

A movie poster featuring a man and a woman in a dramatic, fiery setting. The man, on the left, has dark hair and a goatee, wearing a dark button-down shirt. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a dark, patterned dress. They are both looking intensely at the camera. The background is dark and smoky, with falling orange particles. The title 'Торез' is written in large, stylized red and white letters at the bottom.

ЭЛЛЕН ФОЛЛЕН
АЛЕКСАНДРА АСТАФЬЕВА

Торез
ПЕЧАТА

Эллен Фоллен
Александра Астафьева
Горечь пепла
Серия «Братья Коулмен», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40088812

SelfPub;

Аннотация

Они были поглощены любовью и не могли представить, что когда-нибудь смогут испытать на себе предательство. Он забывается в компании привлекательных и безотказных женщин, она – погружается с головой в своё любимое дело. Он понятия не имеет, как ему отпустить прошлое и продолжать жить дальше, пока она пытается жить настоящим. Он ни за что бы не заметил её в толпе среди прохожих, она, в свою очередь, не стала бы тратить своё время на такого, как он. И, если бы его брат не обратил однажды на неё внимания? Не случись несчастье, которое их объединило. Что было бы тогда?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фели Сити, Ellen Fallen

Горечь пепла

Пролог

Кейн

– Хочешь меня? – я фокусируюсь на пухлых губах, накрашенных ярко-красной помадой. Она еще спрашивает. Да я почти весь вечер, пока она танцевала, пялился на ее зад, сиськи и... черт, я не обращал внимания на ее личико. Как она выглядит?

Поднимаю свои глаза и самому себе отвечаю: сногсшибательно. Длинные и черные как смоль волосы, удивительные зеленые глаза, прямой нос и сочные губы; интересно, какие они на вкус.

Пока я продолжаю пялиться на неё и фантазировать о том, как ее рот будет смотреться в области моего паха, девушка, вопросительно приподнимая свою бровь, ожидает ответа.

– Пошли, – говорю ей и тяну за локоть.

Мы пробираемся сквозь танцующую толпу и шум музыки. Красотка, спотыкаясь на своих высоченных каблуках, еле поспевает за мной. Мой член уже давно решил за меня, как

пройдет сегодняшняя ночь, и поэтому я в нетерпении веду ее на парковку к своей машине. Тачка вместительная, места хватит всем. Мне просто необходимо сегодня забыться, что я и сделаю. Пусть даже хоть на какое-то одно гребаное мгновение.

Я открываю заднюю дверь машины и кивком своей головы «приглашаю» девушку присесть в свой роскошный салон автомобиля. Ей не нужно повторять дважды, и когда я слеую за ней, она поворачивается, тут же впиваясь в мою шею своими полными губами.

– Ээ... нет, постой, – отрываюсь я от неё. – Никаких поцелуев. Только секс, а если тебя такое не устраивает, тогда – на хрен из моей машины.

Никто и никогда больше не прикоснется ко мне своим поцелуем. Это решено. Я веду себя как моральный урод, но что поделать, когда я такой и есть.

Девушка вопросительно смотрит на меня, но затем отвечает:

– Не кипятись. Мне все равно.

Странно, она даже не выглядит обиженной. Наоборот, очень довольной. Возможно, в ее жизни хватает всякого дерьма, от которого просто хочется избавиться и забыться в сексе, используя свое великолепное тело.

Я не успеваю дойти до конца в своих мыслях, как она уже расстегивает мой ремень, а следом и ширинку на моих джинсах. Одной рукой стягивает их вниз, а второй начинает гла-

дить через ткань боксеров мой, уже давно ноющий от стояка, член.

– Его хоть поцеловать можно? – с небольшой улыбкой интересуется она.

– А ты с юмором, детка, – отвечаю я. – Делай с ним всё, что пожелаешь.

Она подмигивает мне и перед тем, как накрыть мой член своими горячими губами, срывает с меня остаток материи. Я запрокидываю назад свою голову и закрываю глаза, ощущая на себе ее жаркий и влажный рот. Знаю, что таким образом, я проживу еще один день. Еще одну ночь. Без тебя.

Глава 1

Дилан

Бегу по коридорам госпиталя. Стираю пот со лба тыльной стороной руки.

Боже, главное – успеть.

В предоперационном кабинете тщательно натираю руки мылом. Смотрю через окно и вижу, что операция уже началась.

– Черт. – Прикусываю свою губу.

Как всегда, пытаюсь везде успеть. Поэтому вбегаю в операционную, на ходу натягивая маску и перчатки. Вся группа из двенадцати человек пристально смотрит на меня.

– Извините за опоздание, – произношу робко.

– Очень рады, мисс Барлоу, что вы удостоили нас своим присутствием, – заведующий хирургией хмуро смотрит на меня. – Становитесь со всеми и наблюдайте.

Подхожу к группе интернов и становлюсь в конце. Мне не очень хорошо видно, поэтому я пытаюсь выглянуть из-за чьей-то спины.

– Мисс Барлоу, будьте добры, пройдите вперед, – громко говорит мистер Девис.

Все подталкивают меня, и я начинаю упираться в операционный стол. Смотрю на пациента, в его горле трубка, вставленная во время интубации. Рядом сидит на стуле анестезиолог с журналом в руках и улыбается. Сволочь. Ему смешно.

– Итак, пациент, возраст сорок пять лет, с инородным предметом в желудке. В данный момент мы делаем разрез... – И дальше слова профессора льются потоком, пока я внимательно смотрю, как он смазывает тело человека антисептиком и делает надрез.

Кровь тоненькой струйкой стекает по краям, слушаем биение сердца на аппарате. Все в порядке. Профессор делает надрез желудок, медсестры подают тампоны и зажимы. Действия мистера Девиса точные и уверенные. Пинцетом он достает какой-то странный предмет, напоминающий по форме пилочку для ногтей.

Как она могла оказаться там?

Смотрю во все глаза на то, как он аккуратно сшивает края разреза желудка. Все это время он поглядывает на нас, пока таз с тампонами наполняется кровавыми спонжами и тряпками. Затем закрывает шов, сшивая его аккуратными стежками.

– Ну вот и все. Мистер Барлоу, можете заканчивать, – говорит мистер Девис анестезиологу.

Майкл Барлоу начинает приводить пациента в себя, отключая все трубочки и маску.

– Что же, операция прошла успешно. Спасибо за внимание. – Мы все аплодируем и начинаем расходиться.

– Мисс Барлоу, не могли бы вы зайти в мой кабинет через десять минут? – профессор снимает очки и протирает стекла.

– Да, сэр, – отвечаю ему и выхожу вместе со всеми в коридор.

Пока все идут в ординаторскую, чтобы немного передохнуть, я тем временем подпираю стенку кабинета. Келли, моя коллега и близкая подруга, подходит ко мне и дергает за мой хвостик.

– Ты как? Майкл, как всегда, бог анестезии. Каждый раз делает такое умное лицо, будто ни один из интернов не знает, что он читает порножурнал, – смеется она.

– Мне все равно. Я просто хочу спокойно отработать эту смену и пойти домой, чтоб нормально поесть и поспать, – хмурюсь я.

– Он не звонил тебе? Девчонки говорят, что он трахает эту шлюху Эллис, – тут же прикрывает рот ладонью, – прости, Дилан.

– Мне плевать, – отвечаю я, когда мимо проходит профессор и кивает мне головой. – Ладно, мне пора.

Я иду следом за ним в кабинет.

Не хочу думать, кого трахает Майкл, мне больно от одной только мысли, что он просто вычеркнул меня из своей жизни. Мы поженились после колледжа, поступили в один уни-

верситет, и вот уже чужие друг другу люди. Каждый день мне сообщают, что он трахает в подсобках наших интернов или молоденьких медсестер. Он просто мешок с дерьмом.

– Дилан, дорогая, мы с мамой очень переживаем за твое состояние. Ты знаешь, что я просто не могу его выкинуть с работы. У него контракт, как и у тебя, на пять лет. Точнее, ему работать осталось три года, – папа глядит на меня с печалью в глазах.

Мой отец – заведующий хирургией. Он лучший общий хирург в городе. И да, я дочь врачей. И работаю с родителями и бывшим мужем. Двадцать четыре часа в сутки они постоянно рядом со мной. Не совсем приятная ситуация.

– Я все понимаю. Но знал бы ты, как мне хочется треснуть по его тупой роже. Но я же не могу в больнице развязать драку или что-то подобное, – ворчу я.

– Я понимаю тебя. Но его отец тоже не последний человек в хирургии. И ты знаешь, как мне хочется дать ему пинка под зад, – подходит ко мне и обнимает. – Мы любим тебя, родная. Все будет хорошо.

– И я люблю вас, папа, – обнимаю его крепко в ответ. – Ты мой супергерой.

– О, родная. Если бы ты не была такой взрослой, я бы все еще смог поднять тебя и сделать самолет. Но я уже староват для таких игр, – смеется он. – И, Дилан, – подзывает меня отец, когда я нахожусь почти у двери, – будь собой, дочка.

Я направляюсь в ординаторскую, чтоб съесть свой первый

за сегодня сэндвич. Ребята уже доедают и громко обсуждают операцию.

— Дилан, ты не могла бы меня сегодня подменить в травме? — шепотом спрашивает Келли. — Малыш болеет, а ты же знаешь, что никто из них, — кивает головой в сторону интернов, — не согласится на это.

Оглядываю толпу и понимаю, что так оно и есть. Все они тусовщики и бездельники.

— Да, конечно, — потираю шею рукой. — В любое время. Пусть малыш выздоравливает.

Келли целует меня в щеку и убегает.

Ох, это будет тяжелая смена.

Не представляю, как это — быть матерью. Тем более матерью-одиночкой. Но Келли справляется, и пока она находится в больнице, оставляет ребенка с няней. Пусть он еще совсем малыш. Но Келли нуждается в работе, иначе она вылетит из программы.

Иду по коридору больницы, и как ни странно, эти стены не давят на меня. Некоторых людей удручают запахи медикаментов и люди в белых халатах. Я же, наоборот, буквально рождена для этого. Мое пребывание здесь кажется самым собой разумеющимся. Я люблю ночные смены. Обычно они самые спокойные.

Проверяя показатели нескольких пациентов, решаюсь выпить еще кофе. Нажимаю на кнопки автомата. Никак не могу выбрать, что сейчас предпочитаю больше: мокко или ка-

пучино.

– Бери простой кофе, пользы, конечно, мало, зато спать не захочется, – низким голосом говорит Майкл.

Внутренне сжимаюсь. Столько времени прошло, а я всё не могу привыкнуть к тому, что мы постоянно находимся рядом.

– Да, думаю, обычный будет лучшим выбором. Спасибо, – натянуто улыбаюсь, и даже не оборачиваясь, чувствую на себе его пытливый взгляд.

– Дил, взгляни на меня, пожалуйста, – такие знакомые руки касаются моих плеч.

Нехотя поворачиваюсь в его сторону и смотрю прямо в эти наглые глаза. Он все тот же: светлые волосы взлохмачены, как будто он только что вылез из постели, в ноздре дырочка от пирсинга, проколота им на первом курсе колледжа, а голубые глаза все так же неизменно лживы.

– Майкл, – вздыхаю. – Я просто... – замолкаю.

Я просто что? Не простила? Не могу его видеть? Что я хочу сказать? У меня сердце кровью обливается. Грудную клетку сдавливают от рвущихся наружу эмоций.

Гляжу на него вновь и вижу того Майкла, который несся через футбольное поле ко мне, своей девушке, чтоб на виду у всей команды поднять на руки, сладко поцеловать и покружить. Я хочу видеть того Майкла. Я просто хочу вернуть те дни.

– Думаю, сейчас разговоры лишние, – отхожу от него, про-

глатывая ком в горле. Он медленно убирает руки.

– Я извинился, Дилан. Ты же знаешь, что это была глупость, – делает шаг ко мне.

– Нет, Майкл, ты не был глупым никогда. Расчетливым, возможно, но не глупым. Поэтому не стоит. – Забираю кофе, обжигая руки.

– Ты, как всегда, забыла накрыть колечком стакан, давай помогу, – отбирает из рук стаканчик с кофе и продевает кольцо. – Вот, держи, теперь не обожжешься. – Делает вид, что дует на мои пальцы.

Качаю головой и ухожу от него подальше.

Когда мой пейджер издает звуковой сигнал, я достаю его и быстро читаю сообщение.

– Боже, – бросаю стакан в ближайшую урну и бегу к лифту.

Очередной несчастный случай, сигнал SOS. Такой сигнал может говорить только об одном – у людей имеются сильные повреждения.

В приемную завозят две каталки. На них лежат в окровавленной университетской форме парень и девушка.

– Мужчина, двадцать один год, вылетел через лобовое стекло. Сотрясение, возможны переломы, а также внутреннее кровотечение. – Врач указывает на кусок стекла, торчащий из его бока.

– Девушка, двадцать лет, ударилась головой об панель. Сломан нос, больше видимых повреждений нет, – говорит

врач из реанимационной.

Я беру каталку с девушкой и везу ее к аппарату МРТ.

— Где Джастин? Скажите, он жив? — Девушка мотает головой из стороны в сторону. — Прошу вас, скажите мне, что он жив? — плачет она в голос.

Пока мы ждем лифт, я оборачиваюсь, чтоб посмотреть, в каком состоянии ее парень. И вижу, как в окне все суетятся. У одного из врачей в руках «утюги» дефибриллятора. Он растирает их между собой и опускает на тело парня. Раз, два, три... Машет головой из стороны в сторону. Это означает, что парень умер.

Закрываю глаза. Просто невыносимо.

— Сейчас с вашим парнем врачи, они делают все возможное. А теперь мы займемся вами. Лежите спокойно, — отвечаю отстраненно, но в душе каждая смерть забирает частичку меня.

Отправив девушку к пластическому хирургу и оформив ее в больнице, иду в ординаторскую. Пока все тихо, мне необходимо совсем немного поспать.

Плюхаюсь в кресло с ногами, устраиваю голову удобней и закрываю глаза. Сразу вспоминаю слезы девушки и того парня, который умер. А ведь она еще даже не знает, что больше никогда не увидит его. Понятия не имею, что больней: видеть его рядом каждый день, но знать, что все кончено. Или вечно жить с этой любовью.

Нет, я, конечно, не хочу, чтобы Майкл умер. Он всегда

назойливо кружит вокруг меня. Как будто раз за разом напоминая о себе. От этого и больно, и беспокойно на душе.

Майкл... Перед глазами мелькают картинки наших счастливых дней. Сильней зажимаюсь до белых точек и расслабляюсь. Мне необходимо поспать.

– Дилан, ты не могла бы помочь мне с инструментами. В операционной готовят парня, который прибыл в неотложке, – говорит интерн, никак не могу запомнить его имя.

– Джастин? – так резко соскакиваю с кресла, что меня пошатывает.

– Да, Джастин Питерс. У него была остановка сердца. Но ты же знаешь Ким. Она с того света достанет любого. Кардиохирург от Бога. Вот бы мне попасть в ее руки, – мечтательно закатывает глаза.

– Ох, черт. Это потрясающе! Нет, это Ким потрясающая! – подпрыгивая, хлопаю в ладоши и бегу за интерном.

Глава 2

Кейн

Я иду. Постепенно ускоряю шаг. Срываюсь на бег. Я должен успеть. Если я опоздаю, всё будет кончено. Для неё и для меня.

Передо мной возникает дверь нашей съемной квартиры. Я люблю это жилье, наше гнездышко. Так хорошо в нем, тепло и уютно. Но мне хочется как можно быстрее оказаться внутри этого дома. Подкрасться сзади, обнять, оставить поцелуй на шее и сказать, что я люблю её. Она ведь ждет *меня*.

Да, так оно и есть, меня там ждут.

Я дергаю за ручку, но дверь не поддается. Пробую ещё раз, но её как будто заклинило. Словно обезумевший, я стараюсь оттолкнуть несколько раз от себя. Безрезультатно. Я начинаю барабанить по ней своими кулаками. На глаза постепенно наворачиваются слезы, застилая видимость своей пеленой.

Пожалуйста, нет! Только не это.

Я разгоняюсь для того, чтобы выбить эту чертову дверь своим плечом, ногой, да хоть чем-нибудь... Но останавливаю себя. Мне просто нужно, чтобы она открылась. Сама.

Или каким-то мне неизведанным способом. Пребывая в отчаянии, я не знаю, что мне делать.

Что мне, мать вашу, теперь делать?!

Я ей не нужен и никогда не был.

Вдруг слышу до боли знакомый скрип, будто тот, кто находится по ту сторону двери, открывает её, проворачивая невидимым ключом. Моё сердце барабанит в груди, тошнотворный ком подкатывает к горлу, а всё тело трясет от осознания того, что предстоит увидеть. Не знаю, как пережить это снова, но мне необходимо видеть всё происходящее там, за этой дверью. Перед тем как дернуть ручку на себя, я делаю глубокий вдох и шагаю внутрь.

Никого нет. Кругом темно. И я начинаю задыхаться от мимолетного страха, но вовремя беру себя в руки и продолжаю идти. Через какое-то время, когда мое зрение привыкает к темноте, я улавливаю некий звук. Он похож на чей-то смех. Этот смех постепенно сменяется стоном. Стоном удовольствия, похоти и сексуального возбуждения. Он, словно заразная болезнь, распространяется по всему темному дому и невыносимым звоном отдается у меня в ушах. Я зажимаю их руками и, корчась от режущей боли, сгибаюсь пополам. Ещё буквально несколько секунд такого звука, и я просто взорвусь, а моё тело разорвет на мелкие куски.

Звуки замолкают, и наступает облегчение. Спустя мгновение я замечаю тусклый свет, просачивающийся из приоткрытой двери. Двери нашей спальни. Моё сердце всё так же ди-

ко стучит, а голова раскалывается. Ещё чуть-чуть, и мои легкие, от учащенного сердцебиения и дыхания, сгорят дотла. Но я намерен идти, чтобы увидеть в очередной раз всё своими глазами. Благодаря этому лучу света я двигаюсь дальше, к следующей заветной двери. Она не заперта, её нарочно оставили открытой, зазывая зрителя дразнящими сексуальными стонами. И этот зритель не кто иной, как я.

Наконец-то я подхожу к двери и, затаив дыхание, заглядываю внутрь. Всё будто как в кино.

Я наблюдаю, как в нашей спальне, на нашей кровати, двое до боли знакомых мне людей предаются любви. Нет, они не просто трахаются, судя по тому, как их тела плавно соединяются, как страстно они целуются, смотрят друг другу в глаза, я абсолютно уверен, они занимаются любовью. Они не видят меня. Я словно для них невидимка.

Чтобы не закричать от отчаяния и нестерпимой боли, я подношу кулак ко рту и прикусываю его своими зубами. Сильно. Больно. Чувствую, как теплая, с металлическим привкусом, струйка крови начинает течь по моей руке и постепенно капает вниз. Кровь мгновенно распространяется по полу, превращаясь из одной крохотной капли в огромную лужу. Незаметно для себя мое отчаяние сменяется на гнев. Гнев, распирающий меня изнутри. Я ненавижу этих людей. Я хочу, чтобы они сдохли от любви друг к другу. Мне хочется, чтобы они раскаивались предо мной, молили о своем прощении. Я просто сгораю от желания схватить их за горло и

придушить или утопить в своей же собственной луже крови. Но я не в состоянии этого сделать. Всё, что я могу, – это не сдерживать рвущийся наружу вопль, и я не сдерживаю его...

Распахивая глаза, я часто дышу. Пока уравниваю свое дыхание, взгляд впивается в потолок. Это был сон. Просто очередной сон.

– Твою мать, – выдыхаю и поворачиваю голову, чтобы взглянуть на время. Семь часов утра. Приподнимаясь на локтях, чувствую, как голова пульсирует от дикой боли. Черт. Похоже, я вчера немного перебрал. Смотрю по сторонам. Отлично. Ни одной киски рядом. Это уже радует. Ненавижу выпроваживать по утрам оттраханных мною телочек. У них всегда один и тот же обиженный вид. Будто я жениться им обещал. Я что, похож на идиота? Хорошо, что сегодня выходной, иначе с похмелья у меня были бы проблемы.

Я пытаюсь встать с кровати, но, опираясь на правую руку, сразу же чувствую острую и жгучую боль. Подношу её к лицу и вижу в засохшей крови опухшую кисть. Мне трудно пошевелить рукой, но, кажется, все пальцы на месте. Этого мне еще не хватало. Шеф опять будет мною недоволен. С ней срочно надо что-то делать, иначе выговора мне вновь не избежать. Ладно, у меня в запасе еще два дня. Стоп. А что вообще вчера произошло?

Не успеваю прийти в себя, как слышу рингтон своего телефона, воющий с утра пораньше о какой-то там неземной любви. Поменять бы мелодию...

– Да, – стону я, даже не посмотрев на входящий вызов.

– Эй, засранец, – слышу я в трубке хрипловатый голос своего брата. – Башка трещит по швам с самого утра? – ухмыляется говнюк.

– И тебе доброе, – отвечаю я, разминая свою затекшую шею. – Чем обязан?

– Хочу приехать и надрать твою задницу в очередной раз. – Пауза. – Ты хоть помнишь вчерашний вечер? Бро, я всё понимаю, но и ты меня пойми. Так больше продолжаться не может. Возьми себя в руки, нащупай в паху свои яйца и убедись, что ты мужик. Тем более прошло уже столько времени после... – Он замолкает, явно не хочет беречь раны не очень приятными для меня воспоминаниями. – Она этого не стоит. Её в твоей жизни больше нет. – Последние его слова отдаются эхом в ушах, вызывая у меня голове неприятную пульсацию.

– В том-то и дело, я ни черта не помню. Неужели что-то настолько серьезное?

– В последнее время твой сценарий не меняется. Но если учитывать, что парень, на которого ты напал, приходится сыном босса моего босса, то дело – дрянь.

– Да ладно? Черт... – зажимаю пальцами свою переносицу, пытаюсь хоть что-то припомнить, но от этого моя голова еще больше раскалывается, а поврежденная рука отдается резкой болью. Если, как говорит мой брат, сценарий один и тот же, значит, я был с девушкой, вот только... – С одной

или с двумя? – интересуюсь у него, уверен, он догадывается, о чем идет речь.

– С одной, – сразу же следует ответ. – Но проблема в том, что она была с этим парнем, а он – её бойфренд. Ты напился до чертиков и, видимо, посчитал себя Всевышним, раз откровенно начал её лапать у Джейса на глазах.

– Джейс – это его имя?

– Да.

– Я избил его?

– Если ты о причиненных телесных повреждениях, то ему повезло больше, чем тебе. Но ты всё равно счастливчик. Ведь благодаря Заре я сразу же направился в бар. Она позвонила мне, как только тебя увидела там. Ты её должник. Не окажись меня рядом, Кейн, сегодня бы ты проснулся не на своих мягких шелковых простынях, а в вонючей камере с не менее вонючими крысами, – оповещает он меня и тут же спрашивает: – Как твоя рука?

– Выглядит жутковато. Он порезал её ножом?

– Нет. Ты сам виновен. Тискал его женщину и после нескольких резких замечаний в твою сторону неожиданно кинулся на него с бутылкой, но со своей в стельку пьяной задницей ты не рассчитал и грохнулся на пол, с треснувшим осколком в руке. Повезло, что повредил только одну руку, а не ещё что-нибудь. С твоей-то работой.

– Да, я знаю, – не нужно мне напоминать про мою долбаную работу. Мне еще предстоит как-то объясниться. – И как

она? – пытаюсь сменить тему. – Хорошенькая?

– Ты сейчас серьезно? Да у меня из-за тебя могло быть куча проблем! – орет он в трубку.

– Остынь, Джон, – ухмыляюсь, – я просто пошутил.

– Значит, шутник, слушай меня внимательно, – мой брат сейчас серьезен как никогда. – На этот раз я всё уладил, Джейс без единой царапины на теле и обещал молчать. Но ты задел его сраную гордость. Он просил передать тебе держаться от него и его телки подальше, иначе убьет тебя, не церемонясь. Уяснил? А от себя добавлю: бросай идею напиться до беспамятства и трахать всех подряд, очнись и начни, в конце концов, жить. – Не дожидаясь от меня ответа, он продолжает: – Давай, вставай, прими душ, приведи себя в порядок, а я приеду за тобой. Поедем в больницу зашивать-ся.

Я молчу. Мне нечего ему возразить или сказать. Поэтому он первый нажимает «отбой».

Последние два года я сам не свой, не знаю, чего хочу от своей жизни. Я как кусок дерьма, плывущий по направлению течения и не желающий хоть как-то изменить это положение. Но благодаря Джону, моему брату, я стараюсь. Он мой старший брат и единственная моя семья, опора и поддержка. К сожалению, наших родителей давно нет в живых. При жизни они настолько сильно любили друг друга, что даже смерть ненадолго разлучила их. Сначала от рака умерла мать, а потом, спустя два месяца, ушел из жизни отец. Он просто за-

снул и не проснулся.

Мама долго не могла забеременеть, и они с отцом уже почти отчаялись. Однако мечтам свойственно сбываться. И когда это наконец-то произошло, ей было тридцать пять лет. А спустя ещё три года на свет появился я.

В детстве мы с Джоном были не разлей вода, и несмотря на разницу в возрасте, мы всегда держались друг друга. У нас была одна компания, одни и те же друзья, даже девушки были похожи чем-то между собой. Джон хороший малый и отличный полицейский. Не знаю, как бы я смог существовать, если бы его не было рядом.

Громко вздыхая, решаю, что пора заканчивать с детскими воспоминаниями и философским дерьмом. Кое-как встаю с кровати и ковыляю сначала в туалет, чтобы отлить, а затем в ванную, чтобы принять бодрящий душ.

Смотрю в зеркало. Видок у меня, конечно, не очень. Волосы уже давно отрасли и в полном беспорядке. Их не мешало бы состричь. Я не могу вспомнить, когда вообще в последний раз брился. Но мне кажется, что-то есть симпатичное в этой бородке. Пожалуй, так и оставлю.

Я включаю воду, снимаю нижнее белье и захожу под душ. Спустя некоторое время рассматриваю поврежденную руку и ощущаю в ней ноющую боль. Да, медицинской помощи мне не избежать.

Глава 3

Дилан

Смена все никак не заканчивалась. В промежутках между приемами пациентов я только и делаю, что напиваюсь кофе. Из операционной для наблюдения перемещаюсь в палаты, затем меня перекидывают в приемную. И ни одна из этих работ не является хуже другой. Мы низшее звено – омываем, зашиваем, делаем уколы, берем анализы и бегаем по кругу. Сегодня уже третьи сутки моего пребывания в госпитале, поэтому я чувствую себя словно робот.

– Вскрыть, отрезать, зашить... – повторяю раз за разом. Эта мысль крутится у меня в голове после операции на аппендицит.

– Вскрыть, отрезать, зашить... зашить... – врезаюсь в парня из реанимации.

– Дилан, очнись. Двое – на приход, – показывает мне рукой на дверь приемной.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и бегу со всех ног на улицу. Сирена скорой помощи звучит очень близко. Машина выезжает из-за угла, и сразу же открываются двери.

– Мужчина, сорок восемь лет. Лобовое столкновение. На стекле трещины от удара. Давление нестабильное. Требуется обследование. В сознании. – Вытягиваю каталку и направляюсь в открывшиеся двери.

– Вызовите доктора Томпсона! – кричу я и направляю её в рентген-кабинет. – Не переживайте, вами займется наш нейрохирург. А пока мы сделаем вам снимок, чтоб исключить кровоизлияния, – обращаюсь к пациенту.

Мы поднимаемся в лифте, и для дальнейших действий я передаю пациента медсестре. Возвращаясь в приемную, облокачиваюсь на стену и закрываю глаза. Двери лифта открываются, и входит мой отец.

– Дилан, ты почему все еще на работе? Твоя смена закончилась двенадцать часов назад. Ты хоть спала сегодня? – Отец обеспокоен, и это сразу заметно по его дрожащему голосу.

– Все хорошо, я поспала в ординаторской четыре часа и чувствую себя нормально. Осталось каких-то шесть часов, и я буду дома. Завтра обед у вас, я помню, – пытаюсь вымучить улыбку и кидаюсь ему в объятия, пока никто не видит.

– Родная, сон и еда. Не забывай. Надеюсь, этого больше не произойдет. Майкл и мизинца твоего не стоит. – Отец гладит меня по голове и отходит на шаг, когда открываются двери.

– Хорошо. – Прохожу мимо него, не оглядываясь. Не хочу, чтобы он видел, как я вымотана.

В приемной на пострадавшего заполняю документы. Во-

круг много пациентов, в основном с травмами. Доктора осматривают и берут анализы.

– Эй, малышка, не хочешь побыть моим доктором? – глубокий мужской голос заставляет меня поднять голову от заполнения бумаг.

Вижу недалеко от себя высокого и широкоплечего мужчину. У него недовольный вид. И складывается такое впечатление, что он кутил всю прошлую ночь. Да что тут гадать, когда я прямо-таки ощущаю в воздухе этот запах перегара.

Господи, когда уже закончится моя смена?

Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что все заняты.

– Я сейчас к вам подойду, – отвечаю ему. А если серьезно, пинка бы ему под зад за «малышку». Мы что, в баре? Ставлю подпись на документах и отдаю в регистрацию.

– Здравствуйте, мне необходимы ваши документы для заполнения, мистер... – улыбаюсь ему.

– Коулмен. Кейн Коулмен. И сотри, детка, со своего лица эту дежурную улыбочку. Мне необходимо просто промыть и зашить чертову рану, – смотрит на меня из-под нахмуренных бровей и медленно стягивает с себя кожаную куртку, похожую на байкерскую.

Его рука опухшая, бордово-красная, рана воспаленная, края неровные. Это не ножевое. Тогда что? Осколок?

– Чтобы избежать осложнений с переломом, мне необходимо сделать вам рентген, если вы не против. Сейчас я обработаю вашу рану и введу обезболивающий укол. обследо-

вание не займет много времени, – натягиваю перчатки и тянусь к его руке, чтобы нащупать масштабы.

– Нет там никакого перелома. Просто хотел хорошенько надавать парню, который дерется как девчонка, – бубнит он.

– То есть вас избила девчонка? – приподнимаю бровь.

– А ты смелая, малышка... Дилан. Неплохая шутка. Запомню, – здоровой рукой он прикасается к моему бейджу, слегка задевая мою грудь.

– Сидите смирно, – отхожу от него на шаг. – Для вас я доктор Барлоу, – начинаю обрабатывать его рану и ощупываю на предмет перелома. Вроде все спокойно.

– Никаких рентгенов и обезболивающих. Я не мальчик, – крикит он от боли, когда я надавливаю сильнее.

– Хорошо, мистер Коулмен. Но я, подписав только что документы, несу ответственность за вашу жизнь. Поэтому извините, – ставлю его перед фактом, – сидите спокойно. Иначе, боюсь, мы с вами далеко не уедем. Хотите быть героем и терпеть боль? Поиграем в героев, без проблем, но рентген сделаем. У нас есть детское отделение. Вы кем предпочитаете быть? Дартом Вейдером или сладким Бэтменом? – он смотрит на меня, как на полоумную. – Все понятно, значит, делаем рентген.

Он неохотно садится в кресло, и мы едем в рентген-кабинет. Там он тоже бубнит и дерзит. Я молча занимаюсь им, у меня нет сил бороться с его тупостью и обращать внимание на его глупое поведение. Снимок показал, что все кости це-

лы. Поэтому я собираюсь зашивать его рану.

Пока я продеваю нить и нахожусь в поисках необходимых мне инструментов, он хватает со стола медицинский степлер и, издавая ни единого звука, закрепляет им свою рваную рану.

– Господи, что же вы творите? – пытаюсь выхватить у него степлер. Не напрягаясь, он удерживает меня одной рукой. Конечно, с такими-то ручищами.

– Ты слишком сонная и медлительная, малышка Дилан. У меня нет желания еще полчаса смотреть на твою кислую физиономию, – грубо отрезает он, тут же хватая бинт и начинает затягивать рану.

– Но вас... вам необходим курс антибиотиков, – впиваюсь в него взглядом. – Да и черт с вами. Ходите с уродливым шрамом. Ваше дело. Просто выпишу вам лекарства.

Отхожу от этого ненормального к столику регистрации. Да пошел он к чертям собачьим! Ношусь с ним по всей больнице, а он только и знает, что ему надо, а что нет. Как капризная принцесса. Еще теперь эта уродливая рана. Он хоть понимает, что она на всю жизнь?

Медлительная! Да ты, козлина, сам отработай три смены и потом играй в героя. Осел.

От гнева меня разрывает на части, и растекается по венам адреналин. Хочется плюнуть на этику больницы и послать придурка куда подальше.

– О, Дилан Девис. Ты все так же прекрасна, – Джон целует

меня в щеку.

Джон – полицейский в управлении, и ему часто приходится приезжать для снятия показаний с потерпевших.

– А ты, Джонни, все такой же неотразимый и такой гигант, – смеюсь я, в то время как он обнимает меня. Его медвежьи объятия становятся привычными.

– Неужели у тебя был дерьмовый день? – вопросительно приподнимает брови.

– Ага, это уже третьи сутки, и последний пациент – заноза в заднице, – шепчу ему, вставая на носочки так, чтобы немного дотянуться до его уха.

– Это кто такой? Сейчас я ему кое-что надеру! – грозно выдает Джон.

– Да вот этот, что сидит со степлером в руках. Сил моих нет бороться с такой глыбой. – Взглядом показываю на пациента.

– Ну, не все Коулмены такие задницы. Просто один из нас не любит уколы, – смеется он, прикусывая нижнюю губу в виноватой улыбке.

Боже, я идиотка. Кейн Коулмен – это же младший брат Джона.

– Вот его лекарства, – протягиваю таблетки Джону. – Обработайте рану и один раз в день делайте укол. Надеюсь, он больше тут не появится. Странно, что у тебя, такого милого и вежливого человека, есть такой хамоватый родственник, – морщусь в разочаровании свое лицо. – Ты уверен в том,

что он твой родной брат? – подшучивая над ним, толкаю в бок и прохожу мимо.

Сейчас я устрою тебе, засранец. Значит, уколов боишься, герой.

– Мистер Коулмен, спустите свои штаны. Я не могу позволить вам уйти без укола от столбняка. Это правило больницы, – киваю ему головой, чтобы встал и повернулся ко мне спиной.

– Это действительно необходимо? – с недоверием смотрит на меня. Его взгляд останавливается на шторке.

– Если только хотите умереть от страшной болезни, в ужасных муках, молодым... Что с вами, неужели брат полицейского боится уколов? – открыто смеюсь над ним. – Я могу и громче сказать, чтоб все услышали?

Молча поворачивается и спускает штаны до колен, выставляя в очень откровенном виде свою накаченную задницу. Задышавшись от его наглости, всаживаю внутримышечно антибиотик без предупреждения. Он издает достаточно громкий вздох.

– Одевайтесь. Если не будете делать уколы на дому, отправлю к вам медсестру. – Открываю ширму и иду в ординаторскую под недоброе бурчание Коулмена.

Упрямый пациент выходит, потирая пятую точку, и косятся на меня. Улыбаюсь ему самой милой улыбкой и машу ладошкой.

Да, сладкий. Я такая.

Гневно отводит от меня взгляд и что-то говорит Джону. Тот оборачивается, посылая мне что-то вроде воздушного поцелуя.

Смотрю на часы и вижу, что, на удивление, моя смена уже закончилась. Пока я возилась Коулменом, время пролетело незаметно. Не знаю, виной тому его бурчание или взгляды исподлобья. Еще раз оборачиваюсь, чтобы взглянуть через окно на братьев, которые стоят на стоянке. Оба высокие и красивые. Один улыбчивый, второй – угрюмый.

– Кто-то приглянулся? – Майкл облокачивается возле меня на стойку и смотрит в том же направлении.

– Думаю, это не твое дело, – своим тоном я показываю ему, что тема закрыта. – Всего доброго.

Глава 4

Кейн

«Это что ещё за хрень? Уколы, мать вашу? А эти геройские «ролевые игры» в Бэтмена? Да киска просто рехнулась. Я ехал сюда не для того, чтобы светить задницей перед всей больницей. Вообще-то я знаю, что она у меня отличная и телочки ведутся на неё, но всё-таки я не был готов к тому, чтобы спустить свои штаны.

А эта девчонка дерзкая, и я был бы не прочь засадить ей. Однако Джон с ней знаком и часто видит её, поэтому...»

– Ты ещё тот придурок, Кейн. – Голос брата выдергивает меня из моих мыслей, пока мы едем в машине. – Дилан не заслуживала такого отношения к ней. Ты можешь иногда быть вежливым? Знаю, что можешь. Просто ты думаешь только о себе, а на других тебе наплевать.

Я молчу, не хочу вообще разговаривать. Но брат оказывается настойчивым:

– Что молчишь? Я серьезно, Кейн. В который раз говорю тебе, выбрось всё из головы и живи дальше. Неужели ты думаешь, что твоя жизнь остановилась и ты не в состоянии ни с кем больше...

– Хватит меня лечить этим дерьмом! – я начинаю заводиться. – Ты и понятия не имеешь, насколько это тяжело. Довериться человеку, любить его, отдать полностью свое сердце... для чего? Чтобы в один миг он разорвал его на мелкие кусочки? Послал всё самое прекрасное куда подальше? – чувствую, как разгоняется мой пульс и отдается шумным постукиванием в висках. – Ты думаешь, что я не понимаю, в кого я превратился? – качаю головой. – Сейчас я не готов к каким-либо изменениям. Просто оставьте меня, на хрен, в покое.

Брат ничего не отвечает.

– Ладно, прости, – тут же говорю ему я. – Ты ведь в такой же заднице.

Оставшийся путь до дома мы едем в тишине. Рука, зашитая кое-как медицинским степлером, нестерпимо ноет. Черт, придется отсиживаться дома еще несколько дней, иначе в управлении меня сожрут с куском дерьма. Хотя у нас отличный шеф, возможно, и в этот раз он все поймет, но до каких пор меня будет прикрывать мой брат и коллеги, мне неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.